

*Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить –
и никаких звезд! —
Вот лозунг мой –
и солнца!
В.В.Маяковский*

Владимир Владимирович Маяковский! Одно упоминание этого имени рождает в моей душе чувства гордости и уверенности в себе, неиссякаемого оптимизма и радости, желание делать хорошее. Чем больше времени проходит с момента искусственного развала СССР, тем острее чувствуешь оптимизм и созидательную силу его стихов. И тем сильнее понимаешь, в какой прекрасной стране мы жили...

С детских лет, вместе с русскими народными сказками, Пушкиным, он был желанным гостем в моей душе, в моем сердце. Кто с малых лет не помнит его милых завораживающих строчек:

*Крошка сын
к отцу пришел,
и спросила кроха:
– Что такое
хорошо
и что такое
плохо? –
У меня
секретов нет, –
слушайте, детишки, –
папы этого
ответ
помещаю
в книжке.*

Дети всей страны советской учили это стихотворение и учились по нему отличать *хорошее* от *бляки*. С *детских лет* учились это делать!

А разве могут не запомниться детишкам и оставить равнодушными такие строчки:

*Если мальчик
любит труд,
тычет
в книжку
пальчик,
про такого
пишут тут:
он
хороший мальчик.*

Юный человечек запоминал это и старался быть таким в дальнейшей жизни. Шел постоянный невидимый и живительный процесс *воспитания человека*.

Уже став самостоятельным молодым человеком, я нередко с радостью вспоминал следующие великие и гордые строки о советском паспорте:

*Я
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я –*

*гражданин
Советского Союза.*

А разве не пленяет вас это написанное восемнадцатилетним Володей Маяковским юношеское стихотворение под названием «Ночь»?

*Багровый и белый
отброшен и скомкан,
в зеленый бросали
горстями дукаты,
а черным ладоням
сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.*

*Бульварам и площади
было не странно
увидеть на зданиях
синие тоги.
И раньше бегущим,
как желтые раны,
огни обручали
браслетами ноги.*

Это все он, товарищ и друг Владимир Маяковский. Так откуда он произошел, этот гений, этот уникум, где выпился чистой и вкусной поэтической воды? Прочитируем некоторые отрывки из его автобиографии «Я сам», написанной в шутовском, ироничном и добром тоне. Лучше Маяковского ведь не скажешь.

Тема. Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном – только если это отстоялось словом.

Память. Бурлюк говорил: у Маяковского память, что дорога в Полтаве, – каждый галошу оставит. Но лица и даты не запоминаю. Помню только, что в 1100 году куда-то переселялись какие-то «доряне». Подробностей этого дела не помню, но должно быть, дело серьезное. Запоминать же – «Сие написано 2 мая. Павловск. Фонтаны» – дело вовсе мелкое. Поэтому свободно плаваю по своей хронологии.

Главное. Родился 7 июля 1894

года (или 93 – мнения мамы и послужного списка отца расходятся. Во всяком случае, не раньше). Родина – село Багдады, Кутаисская губерния, Грузия.

Состав семьи. Отец: Владимир Константинович (багдадский лесничий), умер в 1906 году. Мама: Александра Алексеевна. Сестры: а) Люда. б) Оля. Других Маяковских, по-видимому, не имеется.

Учение. Учила мама и всякообразные сестры. Арифметика казалась неправдоподобной. Приходится рассчитывать яблоки и груши, раздаваемые мальчикам. Мне ж всегда давали, и я всегда давал без счета. На Кавказе фруктов сколько угодно. Читать выучился с удовольствием.

Первая книга. Какая-то «Птичница Агафья». Если б мне в то время попало несколько таких книг – бросил бы читать совсем. К счастью, вторая – «Дон Кихот». Вот это книга! Сделал деревянный меч и латы, разил окружающее.

Экзамен. Переехали. Из Багдада в Кутаис. Экзамен в гимназию. Выдержал. Спросили про якорь (на моем рукаве) – знал хорошо. Но священник спросил – что такое «око». Я ответил: «Три фунта» (так по-грузински). Мне объяснили любезные экзаменаторы, что «око» – это глаз по-древнему, церковнославянскому. Из-за этого чуть не провалился. Поэтому возненавидел сразу – все древнее, все церковное и все славянское. Возможно, отсюда пошли и мой футуризм, и мой атеизм, и мой интернационализм.

Социализм. Речи, газеты. Из всего – незнакомые понятия и слова. Требую у себя объяснений. В окнах белые книжицы, «Буревестник». Про то же. Покупаю все. Вставал в шесть утра. Читал запоем. Первая: «Долой социал-демократов». Вторая: «Экономические беседы». На всю жизнь поразила способность социалистов распутывать факты, систематизировать мир. Много не понимаю. Спра-

шиваю. Меня ввели в марксистский кружок.

906-й год. Умер отец. Уколол палец (шивал бумаги). Заражение крови. С тех пор терпеть не могу булавок. Благополучие кончилось. После похорон отца – у нас 3 рубля. Инстинктивно, лихорадочно мы распродали столы и стулья. Двинулись в Москву. Зачем? Даже знакомых не было.

Московское. С едами плохо. Пенсия – 10 рублей в месяц. Я и две сестры учимся. Маме пришлось давать комнаты и обеды. Комнаты дрянные. Студенты жили бедные. Социалисты. Помню – первый передо мной «большевик» Вася Канделаки.

Чтение. Беллетристики не признавал совершенно. Философия. Гегель. Естествознание. Но главным образом марксизм. Нет произведения искусства, которым бы я увлекся более, чем «Предисловием» Маркса. Из комнат студентов шла нелегалщина. «Тактика уличного боя» и т.д. Помню отчетливо синенькую ленинскую «Две тактики». Нравилось, что книга срезана до букв. Для нелегального просовывания. Эстетика максимальной экономии.

Партия. 1908 год. Вступил в партию РСДРП (большевиков). Держал экзамен в торгово-промышленном подрайоне. Выдержал. Пропагандист. Пошел к булочникам, потом к сапожникам и, наконец, к типографщикам. На общегородской конференции выбрали в МК. Звался «товарищем Константином». Здесь работать не пришлось – взяли.

Арест. 29 марта 1908 г. нарвался на засаду в Грузинах. Наша нелегальная типография. Ел блокнот. С адресами и в переплете. Пресненская часть. Охранка. Сушевская часть. Следовательно Вольтановский (очевидно, считал себя хитрым) заставил писать под диктовку: меня обвиняли в писании прокламации. Вышел. С год партийная работа. И опять кратковременная сидка.

Третий арест. Живущие у нас (Коридзе (нелегалын. Морчадзе), Герулайтис и др.) ведут подкоп под Таганку. Освободить женщин-каторжан. Удалось устроить побег из Новинской тюрьмы. Меня забрали. Сидеть не хотел. Скандалил. Переводили из части в часть – Басманная, Мещанская, Мясницкая и т.д. – и наконец – Бутырки. Одиночка № 103.

11 бутырских месяцев. Важнейшее для меня время. После трех лет теории и практики – бросился на беллетристику. Перечел все новейшее. Символисты – Белый, Бальмонт. Разобрала формальная новизна. Но было чуждо. Темы, образы не моей жизни. Попробовал сам писать так же хорошо, но про другое. Оказалось *так же про другое* – нельзя. Вышло ходульно и ревлпаксиво. Что-то вроде:

*В золото, в пурпур леса одевались,
Солнце играло на главах церквей.
Ждал я: но в месяцах
дни потерялись,
Сотни томительных дней.*

Исписал таким целую тетрадку. Спасибо надзирателям – при выходе отобрали. А то б еще напечатал! Отчитав современность, обрушился на классиков. Байрон, Шекспир, Толстой. Последняя книга – «Анна Каренина». Не дочитал. Ночью вызвали «с вещами по городу». Так и не знаю, чем у них там, у Карениных, история кончилась. Меня выпустили. Во время сидки судили по первому делу – виновен, но летами не вышел. Отдать под надзор полиции и под родительскую ответственность.

Так называемая дилемма. Вышел взбудораженный. Те, кого я прочел, – так называемые великие. Но до чего же нетрудно писать лучше их. Только нужен опыт в искусстве. Где взять? Я неуч. Я прервал партийную работу. Я сел учиться.

Начало мастерства. Думалось – стихов писать не могу. Опыты пла-

чевные. Взятся за живопись. Учился у Жуковского. Вместе с какими-то дамочками писал серебряные сервизики. Через год догадался – учусь рукоделию. Пошел к Келину. Реалист. Хороший рисовальщик. Лучший учитель. Твердый. Меняющийся. Требование – мастерство, Гольбеин. Терпеть не могущий красивенькое. Поэт почитаемый – Саша Черный. Радовал его антиэстетизм.

Давид Бурлюк. В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит напевая. Я стал задирать. Почти задрались.

Памятнейшая ночь. Разговор. У Давида – гнев обогнавшего современников мастера, у меня – пафос социалиста, знающего неизбежность крушения старья. Родился российский футуризм.

Бурлючье чудачество. Уже утром Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: «Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский». Толкаю. Но Бурлюк непреклонен. Еще и рычал на меня, отойдя: «Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение».

Начало 14-го года. Чувствую мастерство. Могу овладеть темой. Вплотную. Ставлю вопрос о теме. О революционной. Думаю над «Облаком в штанах».

Август. Первое сражение. Вплотную встал военный ужас. Война отвратительна. Тыл еще отвратительней. Чтобы сказать о войне – надо ее видеть. Пошел записываться добровольцем. Не позволили. Нет благонадежности.

Зима. Отвращение и ненависть к войне. «Ах, закройте, закройте глаза газет» и другие. Интерес к искусству пропал вовсе.

Май. Выиграл 65 рублей. Уехал в Финляндию. Куоккала.

Куоккала. Семизнакомая система (семипольная). Установил семь обедующих знакомств. В воскресенье «ем» Чуковского, понедельник – Евреино-

и т.д. В четверг было хуже – ем репинские травки. Для футуриста ростом в сажень – это не дело. Вечера шатаюсь пляжем. Пишу «Облако». Выкрепло сознание близкой революции. Поехал в Мустамяки. М. Горький. Читал ему части «Облака». Расчувствовавшийся Горький оплакал мне весь жилет. Расстроил стихами Я чуть загордился. Скоро выяснилось, что Горький рыдает на каждом поэтическом жилете. Все же жилет храню. Могу кому-нибудь уступить для провинциального музея.

Радостнейшая дата. Июль 1915-го года. Знакомлюсь с Л.Ю. и О.М. Бриками.

Призыв. Забрили. Теперь идти на фронт не хочу. Притворился чертежником. Ночью учусь у какого-то инженера чертить авто. С печатанием еще хуже. Солдатам запрещают. Один Брик радуется. Покупает все мои стихи по 50 копеек строку. Напечатал «Флейту позвоночника» и «Облако». Облако вышло перистое. Цензура в него дула. Страниц шесть сплошных точек. С тех пор у меня ненависть к точкам. К запятым тоже.

26 февраля, 17-й год. Пошел с автомобилями к Думе. Влез в кабинет Родзянки. Осмотрел Милюкова. Молчит. Но мне почему-то кажется, что он заикается. Через час надоели. Ушел. Принял на несколько дней команду Автошколой. Гучковеев. Старое офицерье по-старому расхаживает в Думе. Для меня ясно – за этим неизбежно сейчас же социалисты. Большевики. Пишу в первые же дни революции Поэтохронику «Революция». Читаю лекции «Большевики искусства».

Октябрь. Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня (и для других москвичей-футуристов) не было. Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось. Начинают заседать.

18-й год. РСФСР – не до искусства. А мне именно до него. Заходил

в Пролеткульт к Кшесинской. Отчего не в партии? Коммунисты работали на фронтах. В искусстве и просвещении пока соглашатели. Меня послали б ловить рыбу в Астрахань.

19-й год. Езжу с мистерией и другими вещами моими и товарищей по заводам. Радостный прием. В Выборгском районе организуется комфут, издаем «Искусство коммуны». Академии трещат. Весной переезжаю в Москву. Голову охватила «150000000». Пошел в агитацию Роста.

20-й год. Кончил «Сто пятьдесят миллионов». Печатаю без фамилии. Хочу, чтоб каждый дописывал и лучшил. Этого не делали, зато фамилию знали все. Все равно. Печатаю здесь под фамилией. Дни и ночи РОСТА. Наступают всяческие Деникины. Пишу и рисую. Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей.

1926-й год. В работе сознательно перевожу себя на газетчика. Фельетон, лозунг. Поэты улюлюкают – однако сами газетничать не могут, а больше печатаются в безответственных приложениях. А мне на их лирический вздор смешно смотреть, настолько этим заниматься легко и никому, кроме супруги, не интересно. Пишу в «Известиях», «Труде», «Рабочей Москве», «Заре Востока», «Бакинском рабочем» и других. Вторая работа – продолжаю прерванную традицию трубадуров и менестрелей. Езжу по городам и читаю. Новочеркасск, Винница, Харьков, Париж, Ростов, Тифлис, Берлин, Казань, Свердловск, Тула, Прага, Ленинград, Москва, Воронеж, Ялта, Евпатория, Вятка, Уфа и т.д., и т.д., и т.д.

1928-й год. Пишу поэму «Плохо». Пьесу и мою литературную биографию. Многие говорили: «Ваша автобиография не очень серьезна». Правильно. Я еще не заакадемичился и не привык нянчиться со своей персоной, да и дело мое меня интересует, только если это весело. Подъем и опада-

ние многих литератур, символисты, реалисты и т.д., наша борьба с ними – все это, шедшее на моих глазах: это часть нашей весьма серьезной истории. Это требует, чтобы об нем написать. И напишу».

Вот такой Маяковский. Разве какой-нибудь биограф или энциклопедия могли бы рассказать красочнее о нем, нежели он сам? Никогда.

В Маяковском есть что-то *гипнотическое, неземное*. Вкупе с его самобытным талантом это притягивает к нему множество совершенно разных людей, с разными вкусовыми пристрастиями. Его поклонниками были композиторы Андрей Петров, Георгий Свиридов, дирижер Евгений Светланов, любит и с удовольствием читает Маяковского академик Жорес Алферов. Андрей Павлович Петров в начале 80-х годов написал оперу «Маяковский начинается», поставленную в Академическом театре оперы и балета имени С.М. Кирова. А замечательный советский композитор Георгий Васильевич Свиридов в конце 50-х создал свой шедевр «Патетическая оратория» на стихи Маяковского, получивший Ленинскую премию. В 70-е годы в СССР был сделан документальный фильм «Париж. Почему Маяковский?» об огромном интересе к поэту читателей (и не только) Франции.

Нет нужды говорить, что и автор настоящего очерка при всей своей любви к поэтам золотого и серебряного века тоже ценитель его поэзии и хочет поделиться с читателями своими скромными мыслями о Маяковском. В этом мне помогут записи самого поэта, воспоминания о нем и литературоведческие работы знатоков творчества Маяковского.

Дополнительным стимулом к написанию этого этюда явилось незаслуженное забвение имени поэта Владимира Маяковского в нашей сегодняшней неуклюжей и малодуховной жизни. Но разве только *его* имени?!

В мировой поэзии XX века Маяковскому принадлежит особенная, можно сказать, исключительная роль. *Маяковский первым из поэтов XX столетия отдал свой могучий талант революционному обновлению жизни, начатому Великой Октябрьской социалистической революцией.*

Сейчас видны глобальные масштабы совершенного им подвига. Уподобив поэзию Маяковского динамизму грандиозных межпланетных ракет, Пабло Неруда отметил, что под ее влиянием вся мировая поэзия «преобразилась, словно пережила настоящую бурю».

Чудо слияния поэзии с социалистической революцией совершилось, в частности, потому, что Маяковский (как следует из его автобиографии) уже до Октября обладал такими важными предпосылками, как редкостный поэтический дар и, пусть недолгое, но активное участие в освободительной борьбе. Причем – это имело особенное значение – в рядах самой революционной партии, большевистской. Эти обстоятельства сыграют свою очень весомую роль, когда придет пора зрелости – поэтической, гражданской и человеческой.

А первые шаги Маяковского в литературе были осложнены сближением с одной из многочисленных модернистских группировок – с кубофутуризмом. Русский футуризм нашел в нем прекрасного пропагандиста, что, конечно, не дает оснований для идеализации этого течения. Как и все другие ответвления модернизма в искусстве тех лет, как пишет литературовед А. Метченко, «футуризм был узкогрупповым явлением и не имел связей с передовыми общественными силами страны, более того, был чужд им. От других подобных течений футуризм отличал лишь более резко выраженный бунтарский характер, но бунт этот носил чисто эстетическую устремленность и к тому же был направлен как против иных модернистских группировок,

так и в особенности против традиций реализма с его высокой идейностью и гражданственностью».

Сам Маяковский был искренне убежден в том, что его участие в эстетическом бунте футуристов было продолжением прежней борьбы – в другой области и другими средствами. Он был убежден, что, сменив профессию революционера на профессию поэта, он не изменял первой, но должен был в совершенстве овладеть «тайнами» искусства. К этому, казалось поэту, вместе с ним идут люди, провозгласившие принцип самоценности слова. А кроме того, его захватила атмосфера эстетического бунта, начатого футуристами. Среди них были и люди, не считавшие себя связанными с одряхлевшим строем помещичье-буржуазной России (В. Хлебников, В. Каменский).

Однако всего через полтора-два года стало очевидно, что в сравнении с Маяковским футуризм слишком незначительное и преходящее явление. *Талант поэта стремительно обретал самостоятельность.* Эксперименты над словом не стали для него самоцелью, а расценивались как средство повышения выразительности стиха. Творчество Маяковского даже в период близости к футуризму в основном отрицало принципы, провозглашенные этим течением. Так, принципу «самовитого» слова, слова «вне быта и жизненных польз», явно противоречил тезис поэта: *«Нам слово нужно для жизни. Мы не признаем бесполезного искусства».*

Несмотря на некую затемненность поэтической мысли, уже трагедия «Владимир Маяковский», а особенно последовавшие за ней поэмы «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник», «Война и мир», «Человек» *открывали совершенно новую страницу в истории русской литературы.* После Н. Некрасова жанр поэмы не достигал такой масштабности и социального накала, какими отличается «Облако в

штанах». Это подлинно *революционная поэма*. Не только потому, что она содержит пророческие слова о приближающейся революции, но и по самому характеру восприятия капиталистической действительности и отношения к ней поэта.

Империалистическая война, по признанию Маяковского, отодвинула в сторону споры об искусстве. Поэтом целиком завладели темы социального, гуманистического характера. Лейтмотивом его творчества становится его крик: долой буржуазную цивилизацию, враждебную самому прекрасному, что создано природой и историей, – человеку. Это позиция *активного гуманизма*. Как личную трагедию воспринимает поэт участь миллионов людей, которых кучка «жирных», в сущности, уже не людей (гротескные образы власть имущих в поэмах «Война и мир», «Человек» – шедевры сатиры) обрекает на самоистребление и одиночество.

Пафос предоктябрьского творчества Маяковского точно определил М. Горький: поэт «ищет *слияния с народными массами* и свое «я» понимает только как символ массы, до дна поднятой и взволнованной войной. Маяковский гораздо трагичнее (Уитмена – Ю.С.) и, поднимая вопросы общественной совести, социальной ответственности, несет в себе *ярко выраженное русское национальное начало*» (выделено мной. – Ю.С.).

Начиная с «Облака в штанах» творчество Маяковского все заметнее приближалось к магистральному пути, который с начала века прокладывал в литературе Максим Горький. В социалистическую литературу поэт входит как *революционный романтик*, решительно отвергнувший мир капитализма, который залил кровью планету. Маяковский уверен, что на смену этому безумному, бесчеловечному миру уже идет другой мир – гуманный мир подлинных хозяев планеты, людей созидательного труда.

«О, четырьрежды славься, благословенная!» – такими словами встретил Маяковский Великую Октябрьскую социалистическую революцию. С Октября 1917 года начинается новый этап в его творчестве, этап, обусловленный прежде всего изменением действительности. Господствующий в дооктябрьском творчестве поэта пафос решительного отрицания враждебной человеку действительности, саркастическое, гротескное ее изображение, мрачные картины людского горя и страданий уступают место мажорному утверждению начавшихся в стране коренных перемен. «Ода революции», «Левый марш», «Мистерия-буфф», «Потрясающие факты» – эти первые образцы социалистического искусства захватывают своей искренностью, глубочайшей верой в прекрасное будущее, открывшееся перед человечеством. *Маяковский, как и прежде, романтик, но теперь это романтизм утверждения и созидания нового мира.*

Маяковский убежденно встает в ряды первых деятелей литературы и искусства, включившихся в гигантский процесс революционного обновления. Он глубоко убежден, что революция и поэзия нужны друг другу. *Он верит в действенность слова.* Но, чтоб оно стало подлинно действенным, все должно быть перестроено: лирика и эпос, поэзия и драматургия.

Вот в этом искреннейшем желании непосредственно участвовать в революционном обновлении жизни и искусства во имя счастья миллионов – источник новаторства Маяковского.

Ни один поэт XX века не совершил таких смелых, таких радикальных изменений в поэзии, как Владимир Маяковский. А ведь этот век бредит новаторством. Никогда не говорилось о нем так много, никогда не было столько претендентов на славу первооткрывателя в искусстве. Но оказалось, что новаторство под-

чиняется общим закономерностям развития литературы и искусства. Сопоставление опыта Маяковского и его современников приводит к мысли, что приживаются и оказывают влияние на дальнейшее развитие искусства прежде всего те открытия, которые отвечают потребностям времени, способствуют утверждению его прогрессивных тенденций. «Тем и дорого нам творчество Маяковского, Блока, Есенина, что эти поэты предпринимали поиски оздоровления поэзии и стремятся слить свою судьбу с судьбой народа, — пишет А. Метченко. — Маяковский сделал самый смелый и решительный шаг, превратив поэзию в активную участницу митингов, демонстраций, диспутов. Поэзия вышла на площади, обратилась к колоннам демонстрантов. «Улицы — наши кисти. Площади — наши палитры» — эти метафоры относятся и к слову поэта».

На такие эксперименты превращения поэзии в оружие масс не отважился ни один апологет формального экспериментаторства. Но именно эти *поиски средств воздействия поэтического слова на сознание, чувство и действия масс и составляют важную черту «творческой лаборатории»* Маяковского. В автобиографии поэт вспоминал о традициях трубадуров и менестрелей. Но *назначение, характер и масштабы сделанного им самим не имеют прецедентов.*

Его слово действительно является полководцем силы и духа людей. А его голос — голос эпохи.

Вся деятельность Маяковского второй половины 20-х годов несет в себе приметы благотворного влияния работы над ленинской темой. Ленин, его идеи, подвиг, его человеческий образ — критерий оценки всего совершающегося в Стране Советов.

Маяковский создал жанр лирического «разговора» (вспомним его «разговоры» с фининспектором, с солнцем и др.). «Разговору с товари-

щем Лениным» принадлежит особая роль. В этом стихотворении удивительно слилось общественное и интимное, рапорт республике и задушевная исповедь поэта.

*Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.*

Постоянное ощущение присутствия Ленина во всем, что делается в стране, побудило Маяковского выступить против апологии делячества, «американизма», в защиту героя новой, социалистической формации.

В поэме «Хорошо!» нашел особенно широкое применение принцип изображения советской действительности в диалектическом единстве героического и повседневного. Точнее, героического в повседневном, обыденном. «Я дни беру из ряда дней, что с тыщей дней в родне. Из серой полосы деньки...» Тыщи дней — это десять послеоктябрьских лет. И почти каждый серенький день достоин войти в историю.

«Хорошо!» поэма и о любви. О любви к родине, преображенной революцией. О преданности народу, ее совершившему. И о надежде, что история не будет больше безразлична к судьбе человека. Как увековечить все это? Нужны новые поэтические формы. Поэтому поэт заявляет решительно:

*Ни былин,
ни эпосов,
ни эпопей.
Телеграммой
лети,
строфа!
Воспаленной губой*

*припади
и попей
из реки
по имени – «Факт».*

У Маяковского *события (факты)* революции и послеоктябрьской истории страны служат утверждению большой поэтической идеи. В поэме «Хорошо!» – это идея возникновения нового, дотоле не известного человечеству государства, ставшего для трудящихся подлинным отечеством.

«Жизнь прекрасна и удивительна!» – таков лейтмотив послеоктябрьского творчества Маяковского. Но любовно подмечая в жизни страны ростки нового, прекрасного, поэт не перестает напоминать и о том, что *«дрянь пока что мало поредела»*, что еще *«очень много разных мерзавцев ходят по нашей земле и вокруг»*. Поэтому такое большое значение поэт придавал сатире. Она существует у Маяковского на равных правах с лирикой и эпосом, то составляя особые циклы, то входя в структуру поэм. А его последние драматические произведения носят преимущественно сатирический характер.

Маяковский – один из самых талантливых сатириков XX века. Он создал классические образцы сатиры нового типа, отрицающей и обличающей все, что мешало успехам социализма, и тем самым расчищающей путь для движения советского общества к коммунизму. При этом Маяковский убежден: если художник сознает величие цели, стоящей перед страной, и беззаветно служит этой цели, его сатира должна носить воинствующий характер. В борьбе за сатиру, за ее новую миссию Маяковский опирался на Ленина. Отзыв Ленина о сатирическом фельетоне «Прозаседавшиеся» (1922) Маяковский воспринял прежде всего как поддержку политической направленности его поэзии. Признание Ленина *«...давно я не испытывал такого удовольствия,*

с точки зрения политической и административной» – для поэта означало: сатира может оказывать помощь в строительстве коммунизма.

Ярче всего талант Маяковского-сатирика раскрылся в последних драматургических произведениях. Их новаторский характер был признан не сразу. Даже тогда, когда о поэзии Маяковского прочно утвердилось мнение как о самом ярком явлении советского искусства, пьесы «Клоп» и «Баня», не говоря уже о «Мистерии-буфф», оставались долго в тени. «Сказывались, – пишет А. Метченко, – и рецидивы недоверчивого отношения к сатире у иных деятелей театра и литературы, и узкое, ограниченное понимание возможностей, которые метод социалистического реализма открывает перед всеми сферами художественного творчества». Театр должен «врываться в жизнь», – требовал Маяковский. Комедию «Клоп» он сам определил как «публицистическую, проблемную, тенденциозную».

Его драматургия стала новым словом в развитии театрального реализма. Фантастика, гротеск всегда широко использовались им, особенно в сатирических целях. Маяковский стремился опереться на традиции народного театра. *«Попытка вернуть театру зрелищность, попытка сделать подмостки трибуной – в этом суть моей театральной работы»*, – писал Маяковский.

Установка на публицистичность и зрелищность – одно из проявлений сознательного и целеустремленного движения Маяковского к *народности*. Он хотел быть понят своей страной, но хорошо знал, что в его время массовый читатель и зритель еще не обладали высокой культурой. Создавая плакаты, агитационные и рекламные стихи, он должен был считаться и с этим.

Но все же свою собственную задачу, как и цели всего социалистического искусства, поэт видел не *в подли-*

жизнании к низкому уровню массового читателя, не в снижении требований мастерства, а в **приобщении масс к высокой художественной культуре**. Он сделал единственно верный вывод: *поднимать культурный и эстетический уровень самого широкого читателя*, сознавая, что только в этом случае те, для кого он работал, смогут правильно понять его творчество. Отсюда поиски контактов с читателем, не имеющие аналогии в истории мировой литературы.

Маяковский, обладая гениальной одаренностью, сам был носителем высокой культуры, как поэтической, так и театральной.

Человеческим величием, страстной убежденностью, благородством потрясает каждый стих, каждый образ последнего шедевра Маяковского, его разговора с потомками – «Во весь голос». Эта поэма – одно из самых ярких и талантливых выступлений в защиту партийности творчества. Это не только разговор с потомками, это исповедь-отчет революционного поэта перед самой высокой инстанцией – центральной контрольной комиссией коммунистического общества.

*Явившись
в Це Ка Ка
идущих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.*

Партийность в поэме-исповеди не только политический и эстетический принцип, это и нравственный принцип, определяющий главную черту поведения художника – бескорыстие, а значит, и подлинную свободу.

*Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель на дом.
И кроме
свежесвымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.*

Эти признания выходят за рамки личной биографии поэта, приобретают глубокий принципиальный смысл. В них выражена уверенность в том, что борьба за коммунизм – высший, поистине универсальный критерий прекрасного, – очищая нравственную атмосферу от таких стимулов буржуазного мира, как корысть, карьера, жажда личной наживы и личной славы, создает условия для полного проявления самозабвенной любви к искусству и для расцвета искусства.

*Стихи стоят
свинцово-тяжело,
готовые и к смерти
и к бессмертной славе.*

В этих строках господствует мысль о бессмертии созданного в трудах и бою, вера в разум и благородность потомков.

В русском языке – одном из величайших выражений духовного богатства нашего народа – Маяковский видел также источник сближения наций. Ведь это язык Ленина.

*Да будь я
и негром преклонных годов,
и то
без унынья и лени
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.*

Умножая сокровища русской речи, Маяковский поднимал советскую поэзию к новым высотам, буду-

чи глубоко убежден, что это и есть путь к интернациональному единству.

Особо остановимся на впечатлениях Маяковского от поездки в Америку в 1924 году. Наряду с циклом стихов, созданных Маяковским по впечатлениям поездки в США, им была написана книга очерков «Мое открытие Америки». К работе над ней поэт приступил еще во время путешествия. Она была закончена после возвращения Маяковского в Москву, а в августе 1926 года вышла отдельным изданием.

Приведем основные его американские впечатления. «**Первое.** Футуризм голый техники, поверхностного импрессионизма дымов да проводов, имевший большую задачу революционизирования застывшей, заплывшей деревней психики, — этот первобытный футуризм окончательно утвержден Америкой. Что автомобиль?.. Автомобилей много, пора подумать, чтобы они не воняли на улицах. Не небоскреб — в котором жить нельзя, а живут. С-под колес проносящихся элевейтеров плюют пыль, и кажется — поезда переезжают ваши уши. Не грохот воспевать, а ставить глушители — нам, поэтам, надо разговаривать в вагоне. Может быть, завтрашняя техника, умилюющая силы человека, пойдет по пути уничтожения строек, грохота и прочей технической внешности. **Второе.** Разделение труда уничтожает человеческую квалификацию. Капиталист, отделив и выделив материально дорогой ему процент рабочих (специалисты, желтые заправили союзов и т.д.), с остальной рабочей массой обращается как с неисчерпаемым товаром. Хотим — продадим, хотим — купим. Не захотите работать — выждем, забастуете — возьмем других. Покорных и способных — облагодетельствуем, непокорным — палки казенной полиции, маузеры и кольты детективов частных контор. **Третье.**

Возможно, фантастика. Америка жиреет. Люди с двумя миллиончиками долларов считаются небогатыми начинающими юношами. Деньги займы даются всем — даже римскому папе, покупающему дворец напротив, дабы любопытные не заглядывали в его папские окна... Америка станет только финансовой ростовщической страной. Может статься, что Соединенные Штаты сообща станут последними вооруженными защитниками безнадежного буржуазного дела...»

Какие прозорливые и точные мысли, читатель!

Приехав во Францию, по пути в Париж пишет: «По сравнению с Америкой жалкие лачуги. Каждый вершок земли взят вековой борьбой, веками истощаем и с аптекарской мелочностью использован под фиалки или салат. Но даже это презираемое за домик, за земельку, за свое, даже это веками обдуманное цепляние казалось мне теперь невероятной культурой в сравнении с бивуачным строем, рваческим характером американской жизни. Зато до самого Руана на бесконечных каштаных проселочных дорогах, на самом густом клочке Франции мы встретили всего один автомобиль».

Академик Ж.И. Алферов, считающий Маяковского своим любимым поэтом и прекрасно его читающий публично, в одном из выступлений вспомнил фразу Маяковского, сказанную по возвращении из Америки: *«Я стремился за семь тысяч миль вперед, а приехал на семь лет назад».*

Теперь мы знаем, что все сделанное Маяковским в искусстве — *подвиг величайшего бескорыстия.* И как бы ни была трагична личная судьба поэта (14 апреля 1930 года он застрелился, хотя есть версии и о насильственной смерти), в истории всемирной литературы трудно указать пример такого *удивительного соответствия между потребностями эпохи, ее*

характером и – личностью поэта, сущностью его таланта, как бы созданного историей для того времени, когда он жил и творил.

И так же, как бессмертен подвиг народа, страны, изменивших ход мировой истории, бессмертен и подвиг поэта, увековечившего этот всенародный подвиг в *огненном*, по определению известного советского поэта Николая Тихонова, *слове. Слове, почерпнутом из прозрачных, бездонных, светлых глубин русского языка.* Ведь свои грозные рифмы, ошеломляющие по новизне сравнения, свои дерзкие по архитектонике строфы *поэт находил в глубинах народного языкового богатства.*

Великий поэт, Маяковский вошел в мировую литературу не только как создатель поэтической школы, но и как зачинатель поэзии, которая стала неотъемлемой частью новой, социа-

листической цивилизации. «Каноны любой поэтической школы, – считает А. Метченко, – быстро исчерпываются, мертвеют, но влияние живого примера служения поэтическим словом великой цели вербует множество последователей. К хорошо известным именам – Назым Хикмет, Гео Милев, Пабло Неруда, Поль Элюар, Николас Гильен и другие – прибавляются все новые и новые наследники Маяковского».

Социальный оптимизм и талантливая вера Владимира Маяковского в справедливое устройство общественной жизни сродни яркому солнечному свету, освещающему и греющему весь мир. ***Светить всегда!*** – вот каков был лозунг его жизни и творчества. Счастье наше, что такой огромный уникальный талант жил и творил на русской земле!
